
Бартоломей Новодворский — идеал христианского рыцаря

DOI 10.31168/91674-483-5.32

Если бы кто-то, живущий под солнцем, стал удивляться столь частым переменам и постоянной regum humanitarum vicissitudine, тот бы, по моему мнению, нанес большую обиду самому Небу, которое дало предвечный и неотменяемый закон: Nihil sub sole stabile. Это же ежедневно и едва ли не в каждый момент нашей жизни подтверждают примеры, этот урок уже так прочно вошел в нашу память, что мы — одни читая деяния далеких веков, молодые — слыша от старших, всякий — на себе это ощущая, — беспрестанно учим, что на свете все saecula, все состояния, все отдельные люди всегда подвержены переменам.

(Якуб Собеский.

Речь на погребении рыцаря Новодворского. 1625)

Произнося это прощальное слово в память о своем старшем друге, мальтийском рыцаре/кавалере Бартоломее Новодворском (ок. 1552 — 1625)¹,

¹ См. биографические статьи о нем: *Barycz H.* // PSB. Т. XXIII. S. 356–360; *J.R.* // Słownik biograficzny historii Polski. Wrocław; Warszawa; Kraków, 2005. Т. 2. S. 1055, а также: *Koźmian A.E.* Żywot Bartłomieja Nowodworskiego, kawalera maltańskiego — królów polskich Stefana i Zygmunta III. Dworzanina, kapitana harcerzów, komandora poznańskiego. Poznań, 1841; *Czajewski J.* Pieśń o wybuchowym rycerzu // Focus Historia. Wrzesień, 2011. № 9 (55). S. 8–13.

видный государственный деятель Речи Посполитой, Якуб Собеский (1591–1646), отец будущего польского короля Яна III, имел в виду чрезвычайно богатую переменами и перипетиями жизнь этого незаурядного человека, ставшего для своего времени, как и для последующих эпох, образцом мужества, рыцарственности, символом защиты христианской веры.

Бартоломей Новодворский родился в шляхетской семье; среди его знаменитых предков упоминаются варшавский судья Томислав (в 1358 г.), его сыновья — Немера из Нового Двора, варшавский подстолий и кастелян, и Доброгост, гнезненский архиепископ (ум. в 1401 г.), а также внук Доброгост (ум. в 1464 г.) из Нового Двора, закročимский и варшавский кастелян². Рано осиротев, Новодворский поступил на военную службу к князьям Михалу и Янушу Заславским на Подолье.

Спустя 3 года, проведенных там в битвах с татарами и казаками, уже после смерти князя Михала, он перешел на военную службу к трансильванскому князю Стефану Баторию. Об этом его младший друг, Якуб Собеский, в своей погребальной речи сказал: «Свою молодость, достойно своему высокому происхождению, как на Украине, так и в Трансильванской земле, он проводил не в наслаждениях, не в совершении низких поступков, но в работе и трудах, что известно всякому»³.

Когда Стефан Баторий стал позднее польским королем (1576–1586), Новодворский участвовал, в частности, и в его походе на Псков (1581), где, по словам Собеского, представил королю доказательства своей мужественности, хотя сам штурм и не удался. О доверии короля к Новодворскому свидетельствует, например, его отправка с дипломатическим поручением в Константинополь в 1582 г. Однако перспективы столь удачно складывавшейся карьеры при польском дворе полностью провалились, когда Новодворский убил на дуэли одного из придворных короля и был вынужден отправиться в изгнание из страны (1582). Как это выразил в своей речи Собеский, «один casus из тех, что, как говорится в старой притче, встречается меж людьми, стал причиной, по которой он долгое время должен был отсутствовать в Польше». Первый биограф Новодворского утверждал, что он не ради бравады вызвал на дуэль обидчика, придворного Беджицкого, а из

² *Graff T.* Wokół staropolskich fundacji i benefaktorów Szkół Nowodworskich w Krakowie // *Folia Historica Cracoviensia*. 2013. Vol. XIX. S. 163–164.

³ *Rzecz I.M.* Pana Jakuba Sobieskiego, starosty Krasnostawskiego, na pogrzebie Sławnej pamięci Wielkiego Kawalera w Warszawie u Św. Jana... pochowanego pod czas Seymowy. Warszawa, 1625 (s.p.); *Barłowska M.* Jakub Sobieski pamięci wielkiego kawalera, Bartłomieja Nowodworskiego wraz z tekstem mowy J. Sobieskiego «Rzecz na pogrzebie wielkiego kawalera». Szczecin, 2006. S. 121–127.

чувства долга, которое на него накладывала его добрая слава. Вместе с тем убийство придворного на королевском дворе было оскорблением достоинства правителя, что сурово каралось⁴.

Изгнание продолжалось 25 лет, но эта превратность судьбы принесла Новодворскому и новый весьма ценный военный опыт, поскольку он во Франции принимал участие в религиозных войнах⁵ под командованием видных полководцев, и благосклонность новых монархов. Новодворский мужественно сражался с протестантами в рядах разных войск — сначала в армии Генриха III Валуа, ранее бывшего недолгое время польским королем (1573–1574), который хоть и покинул этот трон, но не отказался от титула и всегда охотно принимал на своем дворе поляков⁶. При осаде Понтуаза (1589), переходившего из рук в руки, бесстрашно сражавшийся Новодворский получил — на глазах короля — пулевое ранение в ногу. Понтуаз был взят, а Новодворский щедро вознагражден королем. После его убийства (1589) Новодворский сражается на стороне Католической Лиги, и лишь после перехода Генриха IV Бурбона в католичество (1593) — под его знаменами.

При всех этих и последующих переменах в судьбе Новодворского близость к королям и их расположение к мужественному воину⁷, его участие в многочисленных сражениях своего времени оставались неизменными.

Когда религиозные войны во Франции закончились, а поскольку для рыцаря, как бы рожденного в латах и шлеме (непреренно украшенном крестом, ибо «религиозное чувство в нем было тесно связано с рыцарственностью его души»), отдых от сражений был мукой и стыдом⁸, Генрих IV дал Новодворскому рекомендательное письмо к магистру военного монашеского Мальтийского ордена, и, прибыв в 1599 г. на Мальту, он в течение нескольких лет (до 1607 г.) сражался в рядах этих воинов на иных территориях. «Его деяния видели ранее Франция и

⁴ *Koźmian A.E. Żywot Bartłomieja Nowodworskiego. S. 19–20.*

⁵ Согласно известной формулировке идеала христианского воина у Антонио Поссевино («*Miles Christianus*», 1568), каждый сражающийся с еретиками солдат — герой, а погибший в этих сражениях — мученик.

⁶ *Koźmian A.E. Żywot Bartłomieja Nowodworskiego. S. 22.*

⁷ Например, значительно позднее, в 1607 г., когда Новодворский уже вернулся в Польшу, Генрих IV в беседе с Якубом Собеским в Париже не скупился на похвалы его мужеству и военному опыту, которые он продемонстрировал во Франции. — *Barycz H. Jakub Sobieski starszy czy Wawrzyniec Swiczkowic? (Gawęda bibliograficzna w sprawie autorstwa najstarszej biografii Bartłomieja Nowodworskiego) // Biuletyn Biblioteki Jagiełłońskiej. 1981. R. XXXI. S. 129.*

⁸ *Koźmian A.E. Żywot Bartłomieja Nowodworskiego. S. 30–31.*

Савойя, увидели его теперь острова Средиземного, Ионического, Эгейского морей, не только в Европе доводилось смотреть на него, видела его под Лепанто и Махуметтой [Хаммамет] Африка, и где никогда или редко ступала польская нога, там мужественная рука одного польского шляхтича добывала великую славу для своей отчизны», — говорил в упоминавшейся погребальной речи Якуб Собеский. В битве у Лепанто (8 мая 1603 г.), где, как и у Хаммамета, Новодворский использовал свой обретенный во Франции взрывотехнический опыт и подрывал петардами ворота, он был вновь тяжело ранен. Важно отметить, что войны, которые вел военный Мальтийский орден рыцарей-госпитальеров римско-католической церкви, носили религиозный характер, были ориентированы на защиту христианской веры (первоначально — во время Первого крестового похода — на защиту Святой Земли), и каждый сражающийся с еретиками воин понимался как герой, а погибший в этой борьбе — как мученик за веру.

Новодворский участвовал в битвах Мальтийского ордена, реализуя идеал христианского рыцаря, защитника веры, однако формально он не был членом монашеского братства, куда был принят лишь в 1605 г.

Несмотря на прославившие его военные успехи и благополучное положение на Мальте, Новодворский стремился вернуться на родину. Благодаря заступничеству другого польского мальтийского рыцаря, Петра Кохановского (1566–1620, поэта, переводчика Ариосто и Тассо на польский язык, племянника выдающегося поэта Ренессанса Яна Кохановского), ему было разрешено вернуться в Польшу.

В возрасте 55 лет Новодворский оказывается при дворе Сигизмунда III, высоко оценившего его воинские заслуги в защите католической веры и назначившего его капитаном разведывательного отряда и роты личной королевской гвардии. И уже в 1609 г. опытный воин отправляется с войсками Сигизмунда III в очередной «московский» поход, чтобы стать одной из ключевых фигур польско-московских войн первой четверти XVII в., в частности осады и взятия Смоленска⁹, где он также применяет свои навыки во взрывной технике.

Во время многомесячной осады Смоленска польские войска предпринимают попытки штурма, и даже если, судя по запискам Жулкевского, штурм оказывается неудачным, он, тем не менее, свидетельствует о немалом мужестве Новодворского: «Мы сделали приступ с петардами к двум воротам. Пан Вайгер — к Копычинским, но это осталось без успеха, а Новодворский — к Авраамовским. Перед воротами к полю неприятель построил срубы наподобие изб, так что за сими срубамися не было прямого прохода, но должно было обходить

⁹ См. фундаментальную монографию Б.Н. Флори: *Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.*

кругом подле стены небольшим тесным заулком, которым мог только пройти один человек и провести лошадь. Дошедши до этого сруба, пришлось Новодворскому с петардою идти этим узким заулком, и то наклоняясь — по причине орудий, находившихся внизу стены. Он привинтил петарду к первым, другую ко вторым воротам, и выломил те и другие; но так как при этом действии происходил большой треск, частая пальба из пушек... то мы не знали, произвели ли петарды какое-нибудь действие, ибо невозможно было видеть ворот за вышеупомянутым срубом... Поэтому те, которые были впереди, не пошли в тот узкий заулком, не зная, что там происходило, а более потому, что условились с Новодворским, дабы трубачи, находившиеся при нем, подали сигнал трубами тогда, когда петарды произведут действие. Но трубачи е. в. короля, которых Новодворский для сего взял с собою, при всеобщем смятении неизвестно куда девались. Сигнал не был подан войску, таким образом, конница, полагая, что петарды не произвели действия, ибо не слышали трубного звука, отступила; так же и королевская пехота, которая была уже у ворот, отступила от них»¹⁰.

Иначе — как результат «несогласованности и неумелости наших», малодушия или измены командиров — оценивает эту неудачную попытку прорыва обороны Смоленска участник событий Самуэль Маскевич, также выделяющий ведущую роль Новодворского в этой операции: «Петарда, произведя свое действие, взорвала ворота, и уже вошли в крепость несколько десятков наших с кавалером Новодворским, который закладывал эти петарды... но подкрепления не было»¹¹.

Новодворский не оставлял своего замысла взять Смоленск, и тайне проводил длительное время в одиноких вылазках с целью разведки и подготовки к решительному штурму. Когда до него дошли слухи, что король усомнился в возможности взять город, Новодворский попросил аудиенции, рассказал королю о своих походах в разведку (зимой для маскировки — в белых одеждах, летом — в зеленых) и пообещал взять город через восемь дней, если король предоставит ему 100 центнеров пороха, что обрадовало короля, сделавшего затем необходимые распоряжения¹². План Новодворского осуществился

¹⁰ *Żółkiewski S.* Początek i progres wojny moskiewskiej (1612) / Wst. i koment. W. Sobieski. Wrocław, 2003. S. 54–55. Рус. пер. 1835 г. и 1907 г., переизд. в: Записки Станислава Немоевского. Рукопись Жолкевского / Подгот. А.И. Цепков. Сер. «Источники истории». Рязань, 2006. С. 358–359; см. также: *Koźmian A.E.* Żywot Bartłomieja Nowodworskiego. S. 40–41.

¹¹ *Diariusz Samuela Maskiewicza // Moskwa w rekach Polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie. 1610–1612 / Wyb. i opr. M. Kubala, T. Ścieżor.* Kraków, 2005. S. 154.

¹² *Wassenberg E.* Gestorum Vladislai IV, Poloniae et Suecie Regis. Gedani, 1643. P. 39–40; *Koźmian A.E.* Żywot Bartłomieja Nowodworskiego. S. 45, 47–49.

успешно, и ему удалось взорвать стены города, в результате чего была прорвана его длительная оборона.

Современник событий, польский историк Ст. Кобежицкий (1600–1665), пользовавшийся, по его признанию, при написании своего труда «История Владислава, польского и шведского королевича» (1655) разнообразными источниками, так описал решающий военный эпизод 13 июня 1611 г.: «Взятие города зависело от мужества и стратегического таланта маршалака Кшиштофа Дорогостайского и мальтийского кавалера Бартоломея Новодворского... Новодворский заметил недалеко от Крыловской башни канал, по которому сливались городские нечистоты в протекающий неподалеку Днепр. Он смело поднялся по железной решетке, закрывающей устье канала, и подложил туда взрывной материал. Взрыв был столь обширен, что стена была разорвана в длину на тридцать локтей, а в ширину — на двенадцать. В этот пролом первыми ворвались Дорогостайский и Новодворский со своими людьми и остальными полками, которые, стреляя из мушкетов и бия в барабаны, подали сигнал к наступлению на город»¹³. После этого триумфального последнего штурма были высоко оценены заслуги и подвиги польских воинов, не останавливавшихся перед риском для собственной жизни ради короля, и прежде всего прославлялось мужество Новодворского, не ожидавшего для себя никакой награды¹⁴.

О значимости этого подвига Новодворского свидетельствует и тот факт, что он был многократно зафиксирован в трудах польских историков, воспет и Эберхардом Вассенбергом¹⁵, и Самуэлем Твардовским в их посвященных Владиславу IV произведениях, столь возмущавших московских современников:

...przyszło o tym pomyśleć, wysadzić jakoby
mury ogniem i ślepe podmiotszy petard,
ruszyć z gruntu samego fortecę tak twardej.
Do której się przewagi ofiaruje z chęci
Nowodworski kawaler, mąż godny pamięci

¹³ *Kobierzycki St.* Historia Władysława, królewicza polskiego i szwedzkiego / Wyd. J. Byliński i Wł. Kaczorowski; tłum. M. Krajewski. Wrocław, 2005. S. 185. Ср. также: *Żółkiewski S.* Początek i progres wojny moskiewskiej (1612). S. 192–193. Рękopis Жолкевского. С. 421; *Górski K.* Oblężenie Smoleńska w latach 1609–1611 i bitwa pod Kłuszynem // *Przewodnik Naukowy i Literacki*. Warszawa, 1895. R. XXIII. S. 1–11, 97–107, 193–204; *Świątkiewicz A.* Ostatni szturm na Smoleńsk // *Kwartalnik Historyczny*. 1892. R. VI. S. 82–92.

¹⁴ *Kobierzycki St.* Historia Władysława, królewicza polskiego i szwedzkiego. S. 188.

¹⁵ *Wassenberg E.* Gestorum Vladislai IV, Poloniae et Suecie Regis. P. 39–40.

i umysłu wielkiego, o proch tylko prosząc,
a za ośm dni nadalej, o tym nic nie głosząc,
zamek weźmie. On kiedyś pod same tam mury
przypadając z ochoty, żeby albo dziury,
albo postrzegł, z której by były strony,
kanał jeden upatrzył w ziemi utajony,
smrodom miejskim kloakę, kratą jednak mocną
warowany trojako. Tamże pod stróż nocną
często się zakradając, wszystką one siłą
zmóc pracował żelaza, aż przetarszy piłą
na koniec ich powoli, rum tajemnym owym
i ruinę podkopem uczynił murowym¹⁶.

За этот героический поступок (уже отнюдь не молодого воина), позволивший прервать почти двухлетнюю осаду Смоленска, король Сигизмунд III награждает Новодворского золотой цепью, мечом и земельными наделами, что могло бы создать условия для заслуженного отдыха рыцаря. Однако мальтийскому рыцарю подобные идеи были чужды, и он — в возрасте 65 лет — принимает участие в следующем походе королевицы Владислава на Москву в 1617–1618 г. В подробном дневнике этого похода его участник Якуб Собеский, разумеется, неоднократно отражает его участие и видную роль в сражениях: в составе войска «королевской пехоты пана Бартоломея Новодворского, мальтийского кавалера, пятьсот [человек]»; «Пан кавалер поднес петарду, но поскольку ворота были засыпаны, она не произвела никакого эффекта, однако он сам поджег ограждение у ворот, и ворота уже стали загораться, но они загасили их водой»; «Е.В. Королевич шел с войском под каменный замок Борисов, в полуторах милях справа от Можайска, который наши хотели взять штурмом, но, к несчастью, кавалера Новодворского, когда он шел с петардой, тяжело ранило в руку». Об этом эпизоде Собеский говорит подробнее, передавая слова самого бравого кавалера: «Пан кавалер, стоя там мужественно, о двух вещах жалел: что в правую руку и что *non in victoria*»¹⁷. Для христианского воина пролить свою кровь было честью, сожаление героя вызывает лишь то, что повреждена оказалась наиболее нужная в бою рука, что снижало его боеспособность, и что этой кровью не была куплена победа. Большой потерей назвал Ст. Кобежицкий рану, «которую получил великолепный и ловкий капитан Бартоломей Новодворский, мальтийский

¹⁶ *Twardowski S. Władysław IV król szwedzki i polski. Leszno, 1649. Цит. по переизд.: Twardowski S. Władysław IV król szwedzki i polski / Wyd. R. Krzywy. Warszawa, 2002. S. 62–63.*

¹⁷ *Sobieski J. Dziennik ekspedycyjnej moskiewskiej dwuletniej królewicza Władysława 1617–1618 / Opr. J. Byliński, Wł. Kaczorowski. Opole, 2010. S. 67.*

кавалер. В его правую руку попала пуля, сделав ее совершенно неподвижной»¹⁸. Когда разнеслась весть о его ранении, когда увидели его несущим окровавленное ружье, «сбежались его друзья, а среди них — Бирковский, и, глядя на его страдания, жалели его, он обратился к ним с такими рыцарскими словами: «Ранен Новодворский, а не мальтийский кавалер, который цел и невредим, тот страдает от раны, а рыцарю не должно страдать, он должен скорее радоваться, что ради чести своего господина, ради славы польского народа получил ранение. Если бы еще Можайск был взят, благодаря этой ране!»¹⁹

Тем не менее он, «всегда щедрый на пролитие своей крови для веры, отчизны и короля»²⁰, продолжает участие в походе и пытается совершить очередной подвиг уже у стен Москвы, вновь используя свой обретенный еще во Франции подрывной опыт: «К [Арбатским]²¹ воротам пан кавалер Новодворский подступил с петардой и взорвал кусок стены (у первых ворот, где его ранило в руку), но поскольку пролом был невелик, а внутри было прочное ограждение и вторые крепостные ворота, трудно было [туда проникнуть]»²². Этот эпизод подробно описан и у Ст. Кобежицкого: «Полки приблизились к тем частям стен, которые будут взорваны и таким образом делают возможным вступление в город. Войско было построено следующим образом: при Карватской [Арбатской. — В. М.] башне — мальтийский кавалер Бартоломей Новодворский, а перед ним его пехотинцы, вооруженные топорами, которыми они должны были рубить сваи укрепления... Далее шли двадцать солдат с таранами для пробивания ворот, сзади шел Новодворский, Якуб Собеский, великолепные придворные Владислава»²³. Биограф Новодворского добавляет, что вся шедшая за ним в этот бой лучшая молодежь — Якуб Собеский, Ежи Оссолинский²⁴, Кшиштоф Сапега и другие — хотела у старого воина

¹⁸ *Kobierzycki St. Historia Władysława, królewicza polskiego i szwedzkiego. S. 244.*

¹⁹ *Koźmian A.E. Żywot Bartłomieja Nowodworskiego. S. 70–71.*

²⁰ *Ibid. S. 73.*

²¹ В публикации явная ошибка — «Карватские ворота». — В.М.

²² *Sobieski J. Diariusz ekspedycyjnej moskiewskiej dwuletniej królewicza Władysława 1617–1618. S. 34, 59, 67, 143, 148.*

²³ *Kobierzycki St. Historia Władysława, królewicza polskiego i szwedzkiego. S. 254.*

²⁴ Он отразил некоторые эпизоды этой кампании в: *Jerzy Ossoliński. Pamiętnik / Red. W. Czapliński, oprac. J. Kolasa i J. Maciszewski. Wrocław, 1952 (перевзд.: Warszawa, 2004).* Есть сведения и об особой приязни, теплых отношениях, которые во время походов сложились у пожилого Новодворского с его молодыми братьями по оружию, особенно с Якубом Собеским, Ежи Оссолинским и проповедником Фабианом Бирковским (*Koźmian A.E. Żywot Bartłomieja Nowodworskiego. S. 65.*)

приобрести опыт во взятии крепостей²⁵. Несмотря на ранение, Новодворский продолжает мужественно сражаться, но получает второе ранение в ту же руку и вынужден покинуть поле боя, с чем биограф связывает и итог сражения в целом: «Рана Новодворского второй раз лишила поляков победы... предательство немецких перебежчиков и рана Новодворского разрушили надежды на взятие столицы»²⁶.

Сохранились свидетельства и о чертах личности мальтийского рыцаря, толерантности, широте. Так, он, будучи весьма привержен католической вере, симпатизировал Генриху IV, когда тот еще был протестантом; поддерживал дружеские отношения с семейством Радзивиллов, несмотря на их принадлежность к кальвинизму. Показательно его отношение к своему поверженному смоленскому противнику, боярину Михаилу Борисовичу Шеину: «Говорят, что в Смоленске очень занимали королевича и всех его окружавших разговоры Шеина с мальтийским кавалером Новодворским, принимавшим деятельное участие во взятии Смоленска; Новодворский рассказывал, как он брал, а Шеин, как он защищал город; оба соперника так подружились, что поклялись друг другу в вечном братстве»²⁷.

Еще одной яркой страницей биографии Новодворского стала его благотворительная деятельность, финансирование науки и образования, в которых он видел непреходящую ценность. В перерывах между военными походами и позже, уже уйдя на покой после военных трудов, Новодворский употребил заработанные «опасным и кровавым военным трудом» средства на поддержку науки и образования, создавая соответствующие фонды, жертвуя деньги на краковскую Ягеллонскую Академию, на издания научных трудов, на содержание учащихся и преподавателей, в том числе в его родном городе Тухоле. «Я не могу, — писал он, — оказать иную, более достойную Речи Посполитой услугу, кроме как поддержать науку, ученых, труды многих из которых из-за отсутствия средств не берут в типографии». Кроме того, благодаря фонду Новодворского были созданы школы, а лицей его имени существует и сейчас в Кракове²⁸.

²⁵ *Koźmian A.E. Żywot Bartłomieja Nowodworskiego. S. 73.*

²⁶ *Ibid. S. 74.*

²⁷ *Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. V. Т. 9. С. 102–103; Koźmian A.E. Żywot Bartłomieja Nowodworskiego. S. 63.*

²⁸ См. подробнее: *Koźmian A.E. Żywot Bartłomieja Nowodworskiego. S. 58–62, 75–83; Barycz H. Historia Szkół Nowodworskich. Od założenia do reformy H. Kołłątaja. Kraków, 1988; Graff T. Szkoły Nowodworskie w Rzeczypospolitej Obojga Narodów — do reformy kołłątajowskiej w 1777 r. // 420 lat Szkół Nowodworskich. Wydanie jubileuszowe I Liceum Ogólnokształcącego im. Bartłomieja Nowodworskiego w Krakowie / Pod red. T. Graffa, G. Urbanka. Kraków, 2008. S. 7–38.*

За свои многочисленные заслуги незадолго до смерти Новодворский получил звание командора Мальтийского ордена в Познани.

В библиографии С. Эстрайхера приведены данные о латинском «Жизнеописании блистательного и выдающегося мужа Бартоломея Новодворского...», написанном якобы Лаврентием Свичковичем и изданном во Львове в 1626 г. с посвящением королевскому секретарю и племяннику Бартоломея — Ежи Новодворскому. Автор текста подчеркивает ценность письменного памятника «бессмертным заслугам» героя, значительно более прочного, чем бронза, обелиски, пирамиды, ибо лишь благодаря им «герои древности становятся божественными и знаменитыми и на вечные времена пребывают в памяти». Здесь дана и подробная характеристика личности героя в его последние годы: «До последних его дней всех поражала в нем бодрость, а отнюдь не ворчливая старость, мощная фигура, редкая ловкость, величие ума, остроумие, меткость суждений, краткость речей, мгновенная готовность дать совет в военном деле, удивительная чуткость, почти юношеское рвение, жажда деятельности, стойкость в трудах, приятная жизнерадостность и юмор в общении, лицо всегда веселое и истинно приятные манеры»²⁹.

Приводя библиографические сведения, Эстрайхер добавляет, что это произведение выгодно отличается от распространенных в то время пустых по содержанию панегириков большим фактическим материалом³⁰. Однако Х. Барыч, подвергнувший этот текст тщательному анализу в контексте всего творчества Свичковича (в целом оцениваемого им как бездарное, банальное, заурядное, ориентированное лишь на заработок или привлечение внимания возможных покровителей), а также в сопоставлении с многочисленными произведениями (и биографией) Якуба Собеского, доказывает, что подлинным его автором мог быть именно он, близко знавший и любивший Новодворского³¹.

В своей посвященной Новодворскому погребальной речи Якуб Собеский сказал: «Великие добродетели и славные деяния этого героя да пребудут, пока живет наша Отчизна, пока в ней будет славиться память о благочестивых и заслуженных людях».

Сопоставляя рыцарственную биографию Новодворского с тем состоящим из 15 «поучений» кодексом поведения христианского воина «Воинская вера, то есть поучения, молитвы и примеры, относящиеся к этому сословию»³², который разработал знаменитый иезуитский

²⁹ Vita Illustris et Magnifici Viri D. Bartholomei Nowodvorscii... Leopoldis, 1626.

³⁰ *Estreicher S. Bibliografia polska. Krakow, 1934. T. 30. S. 84.*

³¹ *Barycz H. Jakub Sobieski starszy czy Wawrzyniec Swiczkowicz? S. 124–133.*

³² *Skarga Piotr. Żołnierskie nabożeństwo, to jest nauki i modlitwy i przykłady do tego stanu służące. Kraków, 1606 (следующее издание — Krakow, 1618). Ср. также:*

проповедник Петр Скарга (1536–1612), посвятив его великим гетманам своего времени — Каролу Ходкевичу и Станиславу Жулкевскому, можно обнаружить существенное соответствие постулатов Скарги и этоса мальтийского кавалера Новодворского. В довольно обширном, построенном по законам барочной риторики и изобилующем библейскими цитатами и примерами труде Скарга рассматривает воинскую службу исключительно в религиозной перспективе, как действенную — силой и мечом — защиту христианской веры (краткое изложение кодекса Скарги см. в Приложении. — *В. М.*).

В духе этого кодекса христианского воина Фабиан Бирковский (1566–1636)³³, сменивший скончавшегося Петра Скаргу на должности королевского проповедника и ставший вторым после него знаменитым польским проповедником, профессор философии и красноречия Ягеллонского университета, член ордена доминиканцев, придворный проповедник королевича, а затем короля Владислава IV (1611–1634), участвовавший, как и Новодворский, и в его военных походах, мастер барочных проповедей на религиозные и патриотические темы, преисполненных риторическими приемами, строит и свою надгробную проповедь «Кавалерский крест, или Память высокородного пана Бартоломея Новодворского, познаньского командора, капитана харцеров Е.В. Короля».

Эпиграфом (и определенным камертоном) к ней стала евангельская цитата «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его» (2 Тим 4: 7–8), которая далее в проповеди подвергается обширной интерпретации³⁴.

Если прозвучавшая тогда же и в том же варшавском соборе Св. Яна краткая орация Якуба Собеского носила «светский» характер, то обширный «Кавалерский крест» соответствовал всем законам проповеди. С самого начала противопоставляя помещенный на гроб герб рода Новодворского (Подвязка, *Nałęcz*), хотя и свидетельствующий о высокородности «великого мужа», однако относящийся к земной,

Tricoire D. To Fight, or Not to Fight: Piotr Skarga, the Catholic Ideal of Christian Soldier, and the Reformation of Polish Nobility (around 1600) // *Journal of Jesuit Studies*. 2017. № 4. S. 624–636; *Herman St.* Wojna i żołnierz w okresie kontrreformacji (do roku 1648). Zielona Góra, 1983.

³³ См.: *Polski Słownik Biograficzny*. Kraków, 1936. Т. 2. S. 104–105 (репринт: Kraków, 1989).

³⁴ *Fabian Birkowski*. Krzyż kawalerski abo pamięć wysoce urodzonego Jego M. Pana Bartłomieja Nowodworskiego... 1625. Цит. по изд.: *Fabian Birkowski*. Kazania. Ser. «Klasyka mniej znana». Kraków, 2003. S. 94–111. Ср. также: *Skwara M.* Polskie drukowane oracje pogrzebowe XVII wieku. Bibliografia. Gdańsk, 2009.

светской сфере, — мальтийскому рыцарскому кресту, также присутствующему на гробе, Бирковский обращается именно к той сфере жизни покойного, которую лапидарно выражает цитата из апостольского послания, послужившего эпитафией. «Мало нам проку от того, что делали наши прадеды, я остановлюсь на деяниях моего командора... Все войны, в которых участвовал этот воин... велись либо с врагом святого креста, либо с врагом отчизны и королевского величия. А такие войны могут быть названы *proelia Domini*»³⁵. В этой формуле крест, отчизна и королевское величие предстают как бы уравненными, а их защита подпадает под единое определение «священной войны». К таковой, однако, вряд ли могут быть отнесены польско-московские военные конфликты, носившие характер войн за территории и доминирование в регионе.

Именно крест, согласно Бирковскому, «осладил» командору все военные тяготы и кровавый пот, и потому не было на земле и на море такого труда, который не был бы ему «по вкусу». Представление о риторических приемах Бирковского, сопровождающих подробное изложение биографии командора, дают, в частности, его обращения («Протяни же руки свои к нашей польской короне, достойнейший остров Мальта, великая религия рыцарей святого Иоанна Крестителя, стражей гроба Господнего, и прими к себе твоего, а точнее нашего, кавалера Бартоломея Новодворского, твоего, а точнее нашего, познанского командора»), анафорические повторы («Это тот Новодворский, который с молодых лет до седых волос покрывал свои виски шишаком...», «Это тот Новодворский, который из отчизны своей направился в чужие земли...», «Это тот Новодворский, который добрался до Мальты, чтобы дать монашеский обет Богу и пресвятой Богородице...», «Это тот Новодворский, который и при короле Стефане, и при короле, его милости, счастливо правящем ныне, Сигизмунде III, и при королевиче, его милости, Владиславе служил в Москве...», «Это тот Новодворский, который, как новый Елеазар, жертвовал своим здоровьем под Смоленском...» и др.). Все эти совершенные Новодворским подвиги Бирковский приписывает святому кресту, в котором для славного рыцаря были сосредоточены «все богатства, почести, удовольствия». Жанр проповеди, тем более погребальной, предполагает известный панегирический характер, поэтому некоторые детали биографии командора (дуэль и изгнание, критицизм в отношении короля Сигизмунда, оценка иезуитов) оказываются вне рамок текста.

Вместе с тем Бартоломей Новодворский действительно представлял собой редкий пример «рыцаря без страха и упрека», и авторам посвященных ему текстов не приходилось его слишком идеализировать.

³⁵ *Fabian Birkowski. Krzyż kawalerski*. S. 94–95.

Он последовательно воплощал в своей жизни идеал христианского рыцаря, монаха и воина в одном лице, лишённого тех черт своего шляхетского сословия, которые чаще всего подвергались критике в трудах католических писателей (своеволие, себялюбие, чванство, склонность к гражданским конфликтам, пьянству, роскоши, безделью и др.). Не будучи обременен семьей, не ведя жизнь помещика, Новодворский посвятил свою жизнь служению известной триаде «вера — честь — отчизна», став образом и редким образцом идеального польского рыцаря.

Приложение

Петр Скарга. «Воинская вера, то есть поучения, молитвы и примеры, относящиеся к этому сословию». 1606 (краткое изложение).

1. Христианский воин прославлен, поскольку в нем крепка любовь к «другам», к Речи Посполитой, к Святой Вере и Церкви, ради чего он жертвует собой, а ведь «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ин 15: 13);

2. В рыцарском деле всякий может стать любимым Господом и найти вечное спасение — ведь солдату легко постыться, не спать, утруждать свою плоть, он проливает кровь за Христа, служит Господу Богу.

3. Солдат должен быть более набожным, чем остальные, поскольку он ближе к смерти и высшему суду, к которому следует быть готовым; кроме того, в бою правит Бог, он посылает победу, и Давид благословлял Господа, научающего руки его битве, и персты — брани (Пс 143: 1);

4. Набожный христианский воин ставит перед собой три цели: хорошо служить своей отчизне, Речи Посполитой, где он родился и принял святое крещение, не допустить ее гибели и, если потребуются, пролить за нее свою кровь; защищать веру и Евангелие, святую церковь, не дать им пасть, особенно когда на нас и наше Королевство ополчаются неверные; добыть на войне славу и награды от своего Короля и Речи Посполитой, важно лишь, чтобы эта цель не была первой, но ведь нас от «славы» славянами называют.

5. Христианский воин должен идти на такую войну, на которую призывает верховная власть — король и Речь Посполитая — и которая является справедливой. Никакой подданный, никакой князь не должен воевать, чтобы отомстить за свою личную обиду, не может начать друг с другом справедливую войну. Поэтому соседские войны не только несправедливы, но и запрещены и естественным и писаным законом, и человеческим, и божественным.

6. Самая правильная война — с турками, язычниками и другими неверными, врагами Св. Креста и Церкви Господней. Справедлива и свята война с сарацинами и турками, ибо они — враги Христовой веры

и святого Креста, и где могут, их губят и искореняют, своего фальшивого Магомета поднимают и к его мерзкому закону склоняют христиан и убивают их души. А войн между христианами благочестивый воин должен избегать, ибо они редко бывают справедливыми.

7. Война должна вестись только для обретения и сохранения общего блага. Весьма грешат те паны и их солдаты, которые затевают войну ради расширения государства, демонстрации своей силы, умения и воинской славы. Прежде следует испробовать все средства для достижения согласия и договоры, прежде чем прибегать к такому жесткому средству, от которого пострадает много невинных;

8. О воинских законах, данных св. Иоанном Крестителем.

Что следует делать, чтобы достичь спасения и избежать адского пламени: святой Учитель не говорит, что нужно выйти из воинского сословия, бросить оружие, но нужно соблюдать три Божественных правила: 1) Никого не бейте, на врага отчизны и святой Церкви обратите свое оружие, а невинного соседа, для защиты которого вас призвали, оставьте в покое. Не будьте уличными вояками, но ведите Господние войны, а не против соседей, невинных, бедняков; 2) Ни на кого не клеветайте. Алчные солдаты часто клеветают на тех, у кого есть деньги и имущество, обвиняя их в том, что они шпионы, изменники и т.п. Клевета и лжесвидетельство — большой грех перед Господом, остерегайтесь его! 3) Соблюдайте свою плату. Короли и паны не могут призывать солдат на войну без денежного обеспечения. Мы призываем к справедливости и обличаем человеческие грехи — кражи в нашем Королевстве, поборы на войны, хищение, незаконное присвоение, что есть после святотатства самый большой грех. Если нет денег, солдат грабит своих соседей. Если ему не платят, пусть не служит, а возвращается домой.

9. О главных рыцарских достоинствах.

Первое из них — справедливость, под знаменем которой идет христианский воин, а без нее он предпочитает сидеть дома, без нее у него нет надежды на победу и он боится Господней мести за невинно пролитую кровь; второе достоинство воина — мужество, стойкость (*fortitude*), которые проявляются в трех вещах: преодоление телесных радостей (следует победить самого себя и свои дурные наклонности, прежде чем воин хочет победить врага отчизны), ведь плотские утехи, пьянство и др. не годятся для воина, поскольку превращают его в неженку и бабу. Кто этому предается, мужественным быть не может. Он может быть смелым и дерзким от пьянства, но не воином, который несет свою службу с разумом и добродетелью. Сюда же относится стойкое перенесение телесных невзгод — голода, холода, непогоды, ветра, дождя, пребывания в открытом поле, недосыпания, ношения тяжелого вооружения, трудов и ран; третье — выполнение приказов. Крепко слово Божье, и должно его выполнять. Таким крепким должен

быть и приказ старших на войне, и его немедленно следует исполнять. Ибо иначе нет порядка, а затем и победы бы не было.

10. О воинской дисциплине.

Разнузданность и безнаказанность всегда плохи, но в войске это — самое худшее и вредное. Ведь своеволие солдата, лишённого добродетели, но имеющего в руках оружие и силу, может совершить много дурного. Хотя и добрым страх наказания помогает добродетели, но более всего дурным и низким натурам должна грозить розга Иеремии, которая от Бога. Если бы наши гетманы этого века помнили старую воинскую дисциплину своих предков, они были бы более славными и счастливыми.

11. Как опасно солдату с явными грехами идти в бой.

Все войско в бою будет в опасности, если среди солдат есть много непокаренных преступников, тогда следует бояться поражения. Нарсес, который изгнал готов из Италии, видя, что лангобарды, которых он принял для помощи войску, занимаются грабежами, удалил из своей армии, опасаясь, что их грехи падут на все войско, и сам с небольшим числом людей побил готов и освободил от них итальянскую землю.

Бог чаще всего не посылает победы из-за грехов воинов. Поэтому безопасней открыто карать солдатские грехи и не впускать их в лагерь без покаяния, чем с ними и их злом вступать в битву.

12. Как воин должен подготовиться к битве и вооружить душу.

Хороший и к служению общему делу готовый воин, идя на битву, так думает и говорит: или умереть, или победить, так, как на небе будет решено. Так говорили и Маккавеи, и это пристало честному воину. А трусливый и нестойкий в любви к отчизне говорит себе: мне есть куда бежать, если будет битва, и конь у меня резвый. Этот мужественным не будет, ибо смотрит на леса и горы, и не предусматривает смерти, которая может ему внезапно встретиться, ибо он к ней не готов. Бдительный и мужественный готовится к смерти. Прежде всего очищает свою совесть покаянием и исповедью. Возвращает долги, кому должен, или просит прощения у тех, кого обидел, мирится с теми, которых прогневил, и прощает виновных перед ним, дает обеты перед Богом. Если, Господи, даруешь мне жизнь, я сделаю то-то и то-то в честь твою, и в помощь священникам и бедным. В душе своей завещание составляет и заявляет, что хочет уйти из этого мира в святой католической вере и церковном общении, и что здоровье и кровь свою жертвует во имя святой христианской веры и на ее защиту, за всех братьев и милую отчизну, за справедливость своего короля, а тем самым хочет услужить Господу Богу, иной прибыли не желая. Он вручает свое тело и душу Господу Богу, в завершение читая какой-нибудь псалом или спев «Богородицу». Исповедуясь в вере, он преисполняется утешением от Духа Святого и мужеством, и, сжимая оружие и поправляя подпругу, ждет команды от гетмана.

13. Чем большое сердце наполняется к битве.

Прежде всего любовью, которая велика и сильна. Мудрец сравнивает ее со смертью, огнем, быстрыми и глубокими водами и реками. Как смерть никто не победит, так и любовь сердца не отнимет никакой страх. Честный воин, воспылай любовью к Господу Богу и к служению ему, которое ты осуществляешь своим оружием! Воспылай любовью к отчизне и братьям твоим, и к домашним своим, и увидишь, как смерть будет тебе легка, узнаешь, сколь мужественным она тебя сделает. Воспылай и к своей рыцарской славе, и увидишь, как ты будешь наступать на пушки и ружья, куда укажет тебе битва, разум и бдительность.

Это большая рыцарству помощь — ожидание прекрасной смерти в бою, как было у воинов-мучеников Божьих, когда их разными смертями от Христа отлучить хотели. Мы говорим: я ведь должен встретить смерть или в бою, или на одре тяжкой болезни. Так не лучше ли в добром здравии погибнуть в бою во имя Бога, отчизны и милых братьев, пролив свою кровь и получив за это царствие небесное и жизнь вечную, чем даром и абы как умереть? Теперь я более твердо уверен в отпущении моих грехов, в которых я раскаиваюсь. Я мог бы жить еще несколько лет и впасть в новые грехи, а теперь им конец и меня не осквернят прежние грехи, искупленные моей кровью. Такие мысли вооружают воина мужеством и снабжают крепкой броней. И он одерживает, если Господь захочет, победу, и покрывает себя рыцарской славой, а другие еще более покрываются славой, если мужественно гибнут, чем если побеждают. И в смерти такого набожного воина более славы, чем во всех триумфах.

14. Как должен вести себя христианский воин после победы.

Прежде всего, не следует радоваться тому, что пролилась человеческая кровь. Напротив, следует сокрушаться над несчастьем побежденных и думать о том, как велико зло в человеке, из-за несогласия приводящее к таким жестоким боям. Как будто у людей нет разума для создания мира и согласия без такой гибели. Звери силой достигают своего, но человек должен был бы применять разум. И тем более прискорбно, когда христиане убивают друг друга, забывая данные Господом Богом заповеди о любви друг к другу и отпущении вины. Подумай, что и с тобой могло произойти то, что с твоим неприятелем, и не считай себя лучшим перед Богом, чьего суда и решений ты не понимаешь. Следует так жалеть униженных, как тебе бы хотелось в таком печальном случае. У Моисея был старый закон, чтобы после выигранной битвы солдаты семь дней очищались, прежде чем вошли бы в храм, хотя они участвовали и в справедливой войне. Там же в Священном Писании говорится о воинах, которые приносили свои захваченные трофеи в жертву и для благодарения Богу, говоря Моисею: Мы, слуги твои, пересчитали

своих солдат — никто из них не погиб. И поэтому мы жертвуем Богу золото и ценности, которые мы получили, и просим, чтобы Ты испросил для нас милость Господа Бога. И уж тем более пристало христианскому воину, который ближе знает Господа и получил от него бóльшие дары, ему приписать победу и сохранение своей жизни, а то, что ему Господь Бог дал получить на войне, даровать церкви и бедным. После победы воин должен выполнить те обеты, которые он давал, идя на войну, чтобы снискать благоволение того, кто его вел и охранял, и к просьбам его склонился.

15. Домашние занятия воина без войны.

Если на войне солдат должен быть мужественным, то дома он должен быть скромным и спокойным. Есть военные добродетели, а есть домашние. Хороший христианин должен быть на войне как лев, а дома — как овечка, покорно подчиняясь властям и законам, а для соседей будучи доброй компанией. Жестокость, которой он научился на поле битвы с врагом, и дикие военные обычаи он должен оставить, а облечься в доброту и кротость. Голод, нужду, холод, недостаток сна, к которым он привык в военном лагере, он должен превратить в посты, молитвы, раннее пробуждение и строгое покаяние в грехах, а духовную воинственность он должен обратить на свои дурные наклонности и греховные искушения. Есть у каждого человека свои домашние враги, победа над которыми и приведение к внутреннему миру и спокойной совести — это слава и упование на воздаяние свыше. Воюйте, добродетельные, со старым змеем, и будьте перед ним мужественны.

Ничего не следует избегать более, чем соседские ссоры и войны, которые былое мужество пятнают. На войне — меч и железо, а на соседскую обиду — закон. Когда Давид разгневался на Навала и пошел на него со своими воинами, желая погубить его и весь его дом, жена того остановила его, говоря, что не к таким войнам Бог его готовил, что не против соседей дан ему в руки меч, а против врагов отчизны и Господа Бога. Большой стыд славному воину и слуге Речи Посполитой мстить соседу и начинать с ними столкновения, которые должны быть успокоены либо законом, либо любовью и христианским терпением. Есть тут над чем плакать, когда некоторая часть нашей шляхты, которая составляет рыцарское сословие, всю свою силу обращает к человекоубийству и грабегам домов. Редко кто стерпит свою обиду, редко кто, имеющий какую-то силу, обращается к закону. Все стремятся, как взнузданная лошадь, к мести, которую Господь Бог строго запретил.

Домашние занятия могут пригодиться хорошему воину — богослужения, христианские праздники, чтение или слушание хороших книг, особенно о житиях святых, о рыцарях, мучениках Господних, о войнах, старых преданиях, истории, особенно о своей, польской и

литовской, ливонской, московской и других царств, церковной истории. А эти мерзкие забавы при полных кубках — не шляхетские и не воинские, а тех отчаявшихся и никчемных людей, которые о будущем спасении души не пекутся, о смерти, рае и аде не думают, которые и добрую шляхетскую славу не любят, но лишь брюхо свое, конец которого — порок и гниль, и вечная смерть и погибель. Привыкли некоторые один к другому приезжать для постыдного обжорства. Ничего шляхетского, ничего рыцарского не делают, только кровь дома братскую умеют проливать. У многих шляхтичей не найдешь оружия, доброго коня и готовности на общую битву. В каретах ездят, а вся кавалерия, которой эта Корона славилась и была страшна врагу, исчезает. И так теперь *Equus Polonus* — старая баба на возу! А отроки — как девицы с прялкой, не умеют сесть на коня и оседлать его, и к битве приготовить. Пошли, Боже, исправление и готовность к будущим временам, нужде и военной тревоге! В мирное время мы не обдумываем войну. Мы не говорим, подобно царю Асе, «Построим города и окружим их стенами и башнями, и вратами и замками, пока нам Господь Бог дарит мир». А потому ничего хорошего ждать не приходится.